

Попова Ирина Михайловна

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ИНВЕКТИВНЫХ СЛОВ В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА
"ОБИТЕЛЬ"**

Статья посвящена выявлению многофункциональности инвективной лексики как маркера концептуального смысла романа "Обитель" Захара Прилепина. Выявляются функции характеристики образов, внутреннего (духовного) состояния героев; функция демагогического обмана; искоренения подлинного смысла лексики духовной сферы; функция обнаружения общей авторской интенции. Доказывается, что основной функцией, которую выполняет брутальное слово в романе, является демонстрация демагогической сути нового постреволюционного государства и связанного с этим кризиса духовности русского человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 42-46. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Лувсанбалдан Х. Тод усэг, тууний дурсгалууд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх уйлдвэр, 1975. 356 х.
5. Лувсанвадан С. Памятники монгольского «ясного письма» и их изучение в МНР // 320 лет старокалмыцкой письменности: материалы научной сессии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. С. 108-113.
6. Меньяев Б. В. К характеристике ойратских рукописей и ксилографов, хранящихся в частных коллекциях Синьцзяна // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 175-179.
7. Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар»», 2012. 224 с.
8. Омакаева Э. У. Письменная традиция // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 382-387.
9. Позднеев А. М. Образцы народной литературы монгольских племен. М.: Книга по Требованию, 2011. Вып. 1. Народные песни монголов. 371 с.
10. Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР: в 3-х т. М.: Наука, 1988. Т. 1. 512 с.
11. Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века. М.: Восточная литература, 1996. 152 с.
12. Baazar Daga. Рукопись на ойратском языке. 7 листов // Частная коллекция Цагана Аткаева.
13. Boqdo Dalai blamayin zarliq. Рукопись на ойратском языке. 4 листа // Частная коллекция Цагана Аткаева.
14. Сауян öbügeni sudur orošiboï. Рукопись на ойратском языке. 4 листа // Частная коллекция Цагана Аткаева.
15. Čikeni dülëdu takägiyin. Рукопись на ойратском языке. 1 лист // Частная коллекция Цагана Аткаева.
16. Do. Qaldan. Surǵal silüg kiged sang takil. Todu üseg-ün erten-ü durasyal bičig-ün songyuburi. Urumchi: Singjiyang-un arad-un keblel-ün yerüngkei qoriy-a, 2013. 262 q.
17. Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature. Ulaanbaatar: Соёмбо принтинг, 2005. Vol. III. 270 p.
18. Heissig W. Geschichte der Mongolischen Literatur. Wiesbaden, 1972. Bd. 1-2. 969 S.
19. Uspensky V. L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library / compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 2001. 529 p.
20. Xara keleni sudur orošiba. Рукопись на ойратском языке. 4 листа // Частная коллекция Цагана Аткаева.
21. X[u]ot[u]oqtu biligiin činadu kürüqseni açi tusa talibir orošiba. Рукопись на ойратском языке. 25 листов // Частная коллекция Цагана Аткаева.
22. Yeke kölgüni sudur. Рукопись на ойратском языке. 37 листов // Частная коллекция Цагана Аткаева.
23. Zam-du üküki zuulčin yabudaldu. Рукопись на ойратском языке. 20 листов // Частная коллекция Цагана Аткаева.

HANDWRITTEN HERITAGE OF THE KALMYK ECCLESIASTIC TSAGAN ATKHAEV

Menyaev Badma Viktorovich

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

bmeyaev@mail.ru

The article describes the handwritten heritage of the Kalmyk Buddhist ecclesiastic Tsagan Atkhaev kept by his descendants in the village Ulan-Khol, Laganskii District of the Republic of Kalmykia. The collection of the Oirat manuscripts includes Buddhist canonical writings, a collection of stories about the benefits of reading "The Diamond Sutra", ritual texts, letters-prophecies and a large corpus of astrological texts, tables and calendars. The article also describes Tsagan Atkhaev's autographs which were rewritten by him from the sources that were kept in the handwritten collections of other priests. Before describing the collection, the author gives a brief biography of Tsagan Atkhaev. As a result, the author comes to the conclusion that the manuscripts and wood-carvers that are kept in private collections may shed some light on the history of the Kalmyk culture and religion.

Key words and phrases: Buddhism; handwritten heritage; private collection; ecclesiastic; Tsagan Atkhaev; the Oirat language; autograph; ritual text; source; canonical text.

УДК 82-312.4

Статья посвящена выявлению многофункциональности инвективной лексики как маркера концептуального смысла романа «Обитель» Захара Прилепина. Выявляются функции характеристики образов, внутреннего (духовного) состояния героев; функция демагогического обмана; искоренения подлинного смысла лексики духовной сферы; функция обнаружения общей авторской интенции. Доказывается, что основной функцией, которую выполняет брутальное слово в романе, является демонстрация демагогической сути нового постреволюционного государства и связанного с этим кризиса духовности русского человека.

Ключевые слова и фразы: функциональность; концептуальность; обценная лексика; авторская интенция; мутация смыслов духовной сферы.

Попова Ирина Михайловна, д. филол. н., профессор
Тамбовский государственный технический университет
kafedraruss@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ИНВЕКТИВНЫХ СЛОВ В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»

Роман Захара Прилепина «Обитель» [9] значим прежде всего тем, что в нем произошло философско-поэтическое объяснение того, что случилось с нами в 1917 году на примере осмысления феномена Соловецкого

монастыря, превращенного в первый концлагерь. Соловки, в которых идеалом было безгрешное безмолвное бытие, превратились в символ произвола новой власти, главной целью которой было подавление свободы воли человека, уничтожение русского риторического идеала путем демагогической подмены слов истины на брань. В Соловецком концлагере вместо монашеского молчания пред очами Божиими воцарилось срамословие. Автор романа показывает, как лагерная жизнь заключенных озлобляла их, вела к безжалостному уничтожению друг друга.

В сложном художественном процессе постановки и решения названной выше проблемы важную концептуальную роль играет демонстрация осквернения и мутации русских слов духовной сферы.

Общеизвестно, что в стихотворении «Только русский» В. Я. Брюсов, как и многие другие русские интеллигенты, оправдывал брань и сквернословие, которые стали обычным каждодневным способом выражения мыслей и эмоций в послереволюционное время.

Поэт-символист писал в 1919 году, в определенной степени искажая общеизвестные факты и преувеличивая неграмотность населения России:

«Мы пугаем. Да, мы – дики,
Тесан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, –

Выполняя труд тяжелый,
Загнан, голоден и наг,
Он не знал дороги в школы,
Он был чужд вселенских благ...» [Там же].

И поэт Серебряного века делал вывод, оправдывающий засилье бранных, оскорбительных, грязных, похабных слов в речи революционного народа:

«И когда в толпе шумливой,
Слышишь брань и буйный крик, –
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь – простор надежде,
В нем – свободный человек.
<...>

Полюби ж в толпе вседневный
Шум ее, и гул, и гам, –
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!» [Там же].

Называя матерщину «пламенным языком», в котором содержатся надежда и свобода, поэт Серебряного века предлагал всем полюбить этот похабный и хульный язык, на котором внезапно заговорили практически все слои населения России.

Это утверждение знаменитого поэта-символиста полностью противоречит апостольскому высказыванию: «От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12:37) [8, с. 753]. Речь человека, действительно, через слово являет скрытое в душе, показывает злобу и ненависть, обнажает скверну сердца.

Захар Прилепин в своем произведении демонстрирует это прежде всего на примере авторского отношения к инвективным словам и брутальным выражениям, используемым персонажами.

Исследователи литературы конца XX века подчеркивали, что obscene лексика в качестве основного средства брутальной поэтики выполняла в постмодернистской русской литературе в основном четыре функции: 1) функцию сексуально-эротическую; 2) функцию выражения распада личности; 3) функцию обеспечения «сюжетного слома»; 4) функцию передачи всепобеждающей жизненной энергии [2, с. 57].

Первая и четвертая функции быстро утратили свое значение в неореалистической литературе, к которой по праву относит себя Захар Прилепин. Вторая функция остается очень актуальной для литературы XX – начала XXI веков, как постмодернистской, так и неореалистической. Захар Прилепин широко использует функцию выражения распада личности, представленную практически во всех его ранних рассказах и повестях. Например, писатель много внимания уделяет детскому мату, obscene лексике, звучащей из уст младенцев под влиянием взрослых.

Автор романа, по нашему убеждению, присоединился бы к мнению Епископа Митрофана, писавшего: «Не секрет, что мат в России в прошедшем XX веке обрел статус чуть ли не национального достояния, пытаясь утвердиться как неотъемлемый признак самоидентичности русского народа» [5, с. 3].

Захар Прилепин поднял важный нравственный вопрос: почему русский народ перешел от нормальной речи к словесной скверне. В романе «Обитель» obscene лексика сама по себе отсутствует, но она постоянно характеризуется автором-повествователем, протагонистом и некоторыми другими персонажами, выполняя

различные художественные функции, среди которых преобладают функции: выражения авторской позиции; характеристики образов; функции разоблачения лжи и демагогии; а также показа духовной деградации общества в целом. Иногда эти функции накладываются одна на другую.

Так, функция выражения авторской позиции присутствует одновременно в оценке Кучеравы главным героем произведения – Артемом Горяиновым, который был поражен тем, что ротный Кучерава матерился «не стыдясь монастырских стен, дурно, к тому же путая падежи – не “...твою мать”, а отчего то “...твоей матери”, – выругался» [9, с. 19]. Злобный, жестокий, всегда грязный, дурно пахнущий, ротный Кучерава напоминал Артему Горяинову беса. Он всегда был с красными глазами, как будто с перепоею, чем сходство с бесом усиливалось. Автор подчеркивал варварство Кучеравы, называя его «ящером» [Там же, с. 42]. «Традиционная малоумная матерщина» у Кучеравы, по словам повествователя, делала его речь собачьей брехней [Там же, с. 19].

Владыка Иоанн первым по важности искоренения называет именно «грех злохуления»: «Не одни невинные здесь собрались <...> У одного – злохулительные слова, у другого – воровские бредни, у третьего – иная великоважная ошибка» [Там же, с. 145]. А по словам повествователя, в Соловецком концлагере: «Матерщина сыпалась из человека, как очистки, обрезки и шелуха из мусорного мешка» [Там же, с. 486]. Студенты ругались «небоскрежным матом» [Там же, с. 212]. Самое страшное для повествователя было то, что женщины «матерятся хуже мужичья» [Там же, с. 378], теряя свою материнскую честь.

«Ампутированные души» были у всех уголовников, потому что у них вместо души – «дуля, и эта дуля ухмыляется и показывает грязный язык» [Там же, с. 423], – говорит питерский поэт Афанасьев.

Повествователь многократно подчеркивал, что матерная брань всегда сопровождала расстрелы заключенных, поскольку агрессия увеличивается под воздействием срамословия. Так Горшков, когда расстреливал себе подобных, «просто выложил свои матерные запасы, ругаясь гадко, обильно, натужно» [Там же, с. 662].

Владыка Иоанн уверен, что «произнося надутое пустословие», люди уловляются в плотские похоти и развращают тех, «которые едва отстали от находящихся в заблуждении» [Там же, с. 443-444].

Мат действительно выступает в романе «Обитель» как средство кощунства, бесовская сила. И это понимают повествователь, протагонист и верующие люди, а большинство не понимает его губительности. «Мат с духовной точки зрения – это есть антимолитва. Через матерные слова происходит поклонение “князю тьмы” и, как следствие, человек отступает от Бога. При этом человек, конечно же, чувствует эту черную энергию, и она его возбуждает» [5, с. 6].

В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля сквернословие определяется как «мерзость, гадость, пакость, все гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно» [3, с. 592].

Расшифровывает смысл мата как деяния бесов и такой персонаж, как батюшка Зиновий: «Бесы болтливы <...> Бесы в уши твердят, Бог показывает. Большаки деятельны, злобны, неумолчны» [9, с. 597].

В поэме «Великий инквизитор» из романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевский подчеркнул, что «природа человеческая не выносит богохульства и, в конце концов, сама же всегда и мстит за него» [4, с. 234]. И это доказывается в романе «Обитель» на судьбах героев. Так, протагонист Артем Горяинов, хотя и сам никогда не матерился, но постоянно кощунствовал, отказываясь от духовной помощи владыки Иоанна, называя священника, не хотевшего осквернить алтарь в церкви – «дураком». Герой не хотел признать свои грехи, уничтожив фреску с иконой святого, издевается над ближними, называя их человеческой скотиной. В результате герой практически сходит с ума, а в конце романа его настигает внезапная смерть: нелепая внешне, на самом деле ставшая возмездием за убитого им отца.

Насильственной смертью погибают Кучерава и другие кощунники: Крапин, Бурцев, Мезерницкий и многие персонажи, которые не верили ни во что и ненавидели таких же, как они сами, обиженных людей, безжалостно их унижая и уничтожая морально и физически.

К сквернословью в романе «Обитель» приравнивается и «новояз» – те выражения, с помощью которых власти обманывают народ, разводя демагогию.

Так, бывший белогвардеец Василий Петрович Вершилин уверяет, что большевики – это варвары, которые изъясняются на неведомом нормальному человеку наречии, наподобие мата, но еще отвратительнее: «Своровали всё – страну, свободу, Бога... Теперь ещё и язык воруют – у меня в голове навалены эти слова, торчат углами... “Проклятьем заклеянный” – это что? Опера из жизни индейцев? “Диктатура пролетариата” – это как? Что за воляпок? Вы знаете смысл этих ругательств? <...> За что нас одарили этой уродской речью?» [9, с. 392].

В «Словаре русской ментальности» отмечено, что срамословие – это грубые выражения мата, в отличие от кощунства не затрагивают святых, однако воспринимаются как скверность, поскольку это «неприличные слова и выражения, предназначенные для выхода накопившейся злости, отвращения или стойкости неприязни» [6, с. 246]. Но для Захара Прилепина нет такой разницы, поскольку брань лжива и пакостна, унижает человека как творение Божие.

Именно так понимает в романе «Обитель» греховный язык и отец Зиновий: «Согрешаем поминанием имени Божия все... грязной, матерной бранью» [9, с. 562]. Вспоминаются слова Апостола Петра о губительности для души срамословия: «Они, злословя то, чего не понимают, в растлении своем истребят» [8, с. 443].

Прилепин показывает, что мат ведет ко всеобщей агрессии и жестокой ненависти ко всем и вся. В «Обители», например, «мелкого мужичка, которого никто не знал, как зовут, материли теперь все подряд» [9, с. 76].

Один только глубоко верующий владыка Иоанн реагирует на ругательства, как нормальный человек, «печально и болезненно, как будто его больно толкнули в грудь» [Там же, с. 161]. Он сохранил в своем сердце любовь, жалость и сочувствие ко всем людям и погиб сам, спасая других не только физически, но и духовно, приведя практически всех штрафников в изоляторе на Секирке к покаянию и причастию, спасая их души для вечной жизни.

Реакция персонажа на мат, таким образом, является для писателя индикатором состояния души человека, показателем уровня его низкой духовности. Функцию, которую выполняет сквернословие в романе «Обитель», можно отнести к характеристике персонажей с духовно-аксиологической позиции.

В романе инвективная лексика используется как подмена смысла слов духовной сферы с целью стирания границ между добром и злом. Артем, по сути, занимается словоблудием, когда говорит или пишет неправду. Например, «Спорт – это очищение духа, столь же важное, как труд <...> Спорт – это руки сильных, поддерживающие и ведущие слабых» [Там же, с. 213]. А сам герой только что до полусмерти избил слабого – спортсмена «Белесова» и даже не поднял его [Там же, с. 211]. Желая стать «громокипящим» агитатором и добиться расположения Эйхманиса, протагонист делает то же самое, что большевики: распространяет демагогию, заявляет, что монастырь был всегда «живодерней» [Там же, с. 266], а теперь это фабрика по исправлению людей. Обсценные выражения делают людей дебилами, не способными на нормальное мышление.

«Ублюдочный язык» был на самом деле своеобразной защитой, «анестезией» от голоса совести. Даже уголовный мир ввел запрет на матерщину, охраняя «чистоту» жизни «по понятиям», что говорит о страшных пределах деградации речи человека, отдавшегося во власть сквернословия [5, с. 12].

Священник Зиновий, несущий в Соловецком концлагере подвиг юродства, старается объяснить заключенным, как переворачиваются в их головах все истинные смыслы: «Как всё правильно устроено в человеческом букваре <...> Переставь во всём букваре одну, всего единственную буквицу местами – и речь превратится в тарбарщину. Так и сознание человеческое. Оно хрупко! Человек думает, что он думает, – а он даже не в состоянии постичь своё сознание. И вот он, не умеющий разобраться со своим сознанием, рискует думать и объяснять Бога. А Богу можно только внимать. Перемени местом в сознании человека одну букву – и при внешней благообразности этого человека скоро станет видно, что у него путаница и ад во всех понятиях. Вот так и большевики, – переходя на шёпот, продолжал батюшка. – Перепутали все буквы, и стали мы без ума. Вроде бы те же дела, и всё те же мытарства, а всмотреться если – сразу видно, что глаза мы носим задом наперёд и уши вывернуты внутрь» [9, с. 158].

Грехи «вывернутого» языка, как показано в произведении Захара Прилепина, – это не только злоба, зложелательство, злорадство, гнев и ложь, но и хвастовство, осуждение, издевательство, бесстыдство [Там же, с. 563].

Недаром начальник концлагеря Эйхманис заявил, что на Соловках «свой» язык: «смесь блатного и дворянского, большевистского новояза и белогвардейского словаря, языка театралов и проституток. “Всё смешалось: фрак, армяк и блуза!”» [Там же, с. 267].

В обществе, где царствуют слова, зачерпнутые из выгребной ямы, властвуют страх и ложь. Автор намекает на то, что как ни старались большевики создать антимонастырь, антимолитву, рассатанить людей, у них в результате ничего не получилось. Тысячи мучеников легли в Соловецкую землю, превратив Соловки в антиминс под открытым небом.

Таким образом, можно констатировать, что авторская оценка инвективной лексики занимает важное место в произведении Захара Прилепина, являясь показателем духовного падения человека, его бесовства, которые могут быть преодолены только покаянием. Концептуальная роль авторской оценки вреда сквернословия заключается тем, что ни одно неприличное слово не было воссоздано писателем, а в романе присутствуют исключительно отрицательные характеристики инвективных слов.

Кроме показа духовной деградации, мат выполняет функцию инструмента агрессии, жестокости, человеконенавистничества, которые стали нормой для постреволюционного общества.

Очень важны также функции демонстрации лжи, демагогии, которые сеет сквернословие; а также образование новых словосочетаний для революционной агитации, которые дезориентируют человека, перестающего различать добро и зло. Роман «Обитель» содержит намек на скорое возрождение народа России под воздействием Благодати сакрального места (Соловецкой обители), то есть его вековой «намоленности», преодолевающей антимолитву, которой являются инвективные слова.

Список литературы

1. Антология русской поэзии. Валерий Брюсов – стихи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/Vryusov/184.htm> (дата обращения: 19.11.2016).
2. Бабенко Н. Г. Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 403 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 736 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. Братья Карамазовы. 511 с.
5. Епископ Митрофан (Баданин). Правда о русском мате. СПб. – Мурманск: Библиополис, 2014. 32 с.
6. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2-х т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. П – Я. 592 с.
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998. 944 с.
8. Новый Завет. Псалтырь. Изд. 3-е. М.: ДАРЪ; БЛАГО, 2013. 912 с.
9. Прилепин З. Обитель: роман. М.: АСТ, 2015. 746 с.

THE CONCEPTUAL MEANING OF INVECTIVE WORDS IN ZAHAR PRILEPIN'S NOVEL "ABODE"

Popova Irina Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Tambov State Technical University
kafedraruss@mail.ru

The article is devoted to revealing the versatility of invective vocabulary as a marker of the conceptual meaning of the novel "Abode" by Zahar Prilepin. The article singles out the functions of the images' characteristic, the inner (spiritual) state of the characters; the function of demagogic deception; the eradication of the true meaning of the spiritual sphere vocabulary; the function of detection of the general author's intention. It is proved that the main function performed by a brutal word in the novel is the demonstration of the demagogic essence of the new post-revolutionary state and it is associated with this crisis of the Russian man's spirituality.

Key words and phrases: functionality; conceptuality; obscene vocabulary; author's intention; mutation of spiritual sphere meanings.

УДК 821.512.36

В статье рассказывается о первых шагах монгольской драматургии XX века. В первые годы после провозглашения Народной Республики (1924) монгольская литература, прежде всего, обратилась к поэтическим и песенным жанрам. Но не меньшую роль играла и драматургия, которую начал развивать театральный коллектив, созданный при Революционном союзе молодежи. Ключевую роль в становлении монгольской драматургии XX в. сыграл С. Буяннэмэх (1902-1937), автор первых театральных постановок, актер, режиссер.

Ключевые слова и фразы: монгольская драматургия; новое искусство; революционные идеи; театр; конфликт; персонаж; С. Буяннэмэх.

Сапожникова Олеся Андреевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
sapoznikova89@mail.ru

**ТВОРЧЕСТВО С. БУЯННЭМЭХА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ
МОНГОЛЬСКОГО ТЕАТРА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

С. Буяннэмэх (1902-1937) по праву считается первым монгольским драматургом и театральным режиссером XX в., с чьим именем связана история создания нового монгольского театра и драматургии, которая началась в момент возникновения Революционного союза молодежи в августе 1921 года. При Революционном союзе молодежи действовали различные кружки, занимавшиеся просветительской работой. Один из кружков образовал театральный коллектив. С. Буяннэмэх долгое время его возглавлял. После победы Народной революции началась активная агитационно-пропагандистская работа, на которую были призваны молодые писатели и будущие драматурги, режиссеры и актеры.

Перед кружковцами стояли сразу две задачи: создать новое для Монголии искусство и заняться просвещением народа, зачастую неграмотного. В арсенале у них не было ничего, кроме опыта «домашних» представлений, которые, в свою очередь, имели два «происхождения». Один вид представлений возник благодаря зрелищным музыкальным действиям, которые монголы переняли у китайцев. Второй вид появился благодаря театру ламаистских храмов, эти представления по своей сути являлись религиозными мистериями. Все это не отвечало задачам нового времени.

Не было у театрального кружка и теоретической опоры. На тот момент в Монголии не было ни одной книги, посвященной истории театра и драматургии как особого вида искусства. Спектакли нового времени должны были рассказывать о темном и горестном прошлом страны, о феодальном и религиозном гнете народа, разъяснять идеи и цели революции, воодушевлять людей на создание нового счастливого будущего.

Члены театрального кружка взяли за основу то, что было им знакомо, но наполнили старую форму новым содержанием. Так, первое представление кружковцев было приурочено к монгольскому Новому году – Цагаан сару и по форме напоминало китайский музыкально-танцевальный жанр *ший янгуу* [1, с. 119]. Считается, что идея принадлежала С. Буяннэмэху. Это была пьеса о пьяном китайском правителе, роль которого исполнил он сам. Текст не сохранился, но можно предположить, что С. Буяннэмэх выступал в качестве актера и в качестве автора пьесы. Пьеса сыскала любовь зрителей: построенная на злободневном материале, она была наполнена юмором и сатирой и одновременно проникнута вниманием к простому народу, его нуждам и горестям. Это было первым успехом театрального кружка и самого С. Буяннэмэха как его руководителя и вдохновителя.

Участники кружка понимали силу театрального искусства, силу его воздействия на грамотных и неграмотных, на бедных и богатых, на женщин и мужчин. Для того чтобы заинтересовать зрителя, быть ему понятным, кружковцы обратились к неисчерпаемому источнику для творчества – любимым и известным литературным и главным образом фольклорным сюжетам. Чудовищами были теперь не страшные *мангасы* (герои фольклора), а феодалы, издевающиеся над простым народом, героями же – революционеры, спасающие страну от гнета нечестной продажной власти и одурманивающей религии.

Начинающие драматурги во главе с С. Буяннэмэхом первые несколько лет пробовали театральное искусство на вкус. Пьесы первых лет были рыхлые по композиции, слишком объемные, события и герои типизировались, изображались условно. Не хватало монголам и опыта в сценическом искусстве: схематичность внешнего оформления, отсутствие декораций, неопытность самих актеров. Известно, что долгое время ставились